

Творческое наследие
Густава Густавовича Шпета
в контексте философских проблем
формирования
историко-культурного сознания
(междисциплинарный аспект)

Г.Г. Шпет / *Comprehensio*
Четвёртые Шпетовские чтения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2003

В.В. Петренко (Томск)

Субъективность

в феноменолого-герменевтической перспективе

Феноменолого-герменевтическая традиция достаточно давно выдвинула ключевые ориентиры в решении темы субъекта. Понятия трансцендентальной субъективности и трансцендентальной интерсубъективности выступают базовыми в аналитике субъективной сферы. Теоретические вопросы генезиса субъекта и структуры субъекта берут начало в прагматике социального и индивидуального многообразия. Обсуждение трансцендентальных условий возможности познания и понимания, бытийствования необходимо для интерпретации субъекта в направлении его персонализации и конкретизации. Безусловно, в этой перспективе работает гуссерлевская идея интенциональности. В конечном итоге она нацелена на преодоление герметичности классического трансцендентализма кантовского и декартовского типа.

Правда, в работах последнего времени восприятие «чистого я» уже у И. Канта смещает фокус рассмотрения к «объектному» полюсу, тем самым нарушая абсолютную автономию трансцендентального единства самосознания в априорно-синтетической трактовке знания. В результате понятие трансцендентального субъекта, обеспечивающее полноту априорного синтеза, предстает в гораздо меньшей степени выхолощенным, чем до сих пор. Так, например, А. Шуман в монографии «Трансцендентальная философия» особое внимание уделяет характеристике ментальной активности

того рода, инициатором которой всегда выступает реальный субъект мысли и которую мы, вслед за И. Кантом, привычно называем рассудочной: «Мыслительная деятельность, *практически применяющая чистое «я» в качестве принципа* <курсив наш. – В.П.>, удостоверяющего синтез, называется, согласно Канту, «рассудком»... «рассудок», обладая способностью мыслить предмет в качестве *трансцендентального объекта*, иными словами, достоверного, а не просто истинного объекта, <тем самым. – В.П.> представляет собой *трансцендентальный субъект*» [2. 30]. Это уже означает избыточность структуры трансцендентального субъекта как субъекта логико-содержательного по отношению к возможному формально-логическому его истолкованию. Трансцендентальный субъект есть воплощение и активизация логического принципа чистого мышления внутри опытной сферы. В противном случае, как пишет А. Шуман, «мы ничего не знали бы не только об объекте, но и о субъекте» [2. 29], поскольку априорно-синтетическая деятельность представляет собой единство уровней чувственного и интеллектуального созерцания и воображения, единство априори и апостериори. И только такое единство указывает на субъекта.

Подобное «наполнение» субъекта за счет полюса «объектности» (или полюса «мира») находит свое продолжение в гуссерлевской феноменологической схеме. Гуссерлевское истолкование субъективности как трансцендентальной и, следовательно, структурно-определенной, выводит сразу ко многим темам современной дискуссии о месте и значении этого концепта в его онтологическом, теоретико-познавательном, антропологическом и социально-философском позиционировании. Феноменологии мы обязаны тем, что субъективность имеет шанс стать методологическим априори внутри объясняющих схем эпистемологии и теории бытия, равно как и теории человека и социума.

Гуссерлевская редакция интенциональности берет субъекта не субъективистски. В этой «субъективности» (впрочем, как и в кантовской) сравнительно мало от субъективной случайности и достаточно много от обязательности тех линий и сил, с которыми связано оформление поля субъективности как таковой. Рефлексивная природа конституирования субъективности у Э. Гуссерля связана, как минимум, с двумя обстоятельствами. Во-первых, это транс-

цендентальный (или сущностный) характер структурных составляющих субъективной сферы вообще. И, во-вторых, рефлексивный способ их описания. В этой связи, комментируя основные черты феноменологического метода и отвечая на вопрос, ограничивается ли феноменология только субъективными феноменами, Г. Шпигельберг замечает, что «...даже сугубо частный феномен – это факт, который нельзя игнорировать» [1. 649]. Что, однако, не мешает рассматривать интерсубъективную сферу как шаг в последующей реконструкции структуры субъекта, отвечающий за возможность сотрудничества, коммуникации и сосуществования. Э. Гуссерль пресекает вращение внутри теоретического трансцендентального априори, имеющего явный привкус солипсизма, за счет аналогизирующего переноса, обнаружившего, как думается, два фундаментальных следствия.

Во-первых, фигура аппрезентации позволяет констатировать факт «бытия-с-другими». В отличие от хайдеггеровского, это, скорее, теоретическое бытие смысла. Формы непосредственной очевидности, закрепленные в механизме аппрезентации, говорят об интерсубъективности как структуре жизненного мира человека вообще наряду с таким его качеством, как предметность. В этом отношении жизненный мир обладает бытийным и эпистемологическим статусом: мир актуально сущего для существующих различных социальных субъектов и универсальный смысловой горизонт. Во-вторых, заключенное уже в требовании интенциональности предпонимание сознания как изначально несамодостаточного, дополняется вполне демократической идеей о принципиальном равенстве и со-участии множества интенций и монадических конститутивных построений фонового универсума значений. Действие такой трансцендентальной субъективности, в результате, открывает возможности новых тематизаций в рамках феноменологически ориентированных дискурсивных стратегий. А именно на путях *показа* (описания) феномена субъективности в философии XX в. в формате не только сознания, но и языка, и телесности, и праксиса, что предполагает вскрытие механизмов производства актуального (экзистенциального и социального) субъектов и отслеживание способов их манифестации и репрезентации в общекультурном дискурсе, имея в виду те регионы культурного пред-

ставительства, где коды и шифры субъективности предельно обнажены, а собственно философские рефлексии выступают нормообразующими для широкого референциального поля культуры.

Стратегию описательности в отношении порядка субъективного по-своему продолжил М. Хайдеггер. Усилив гуссерлевскую интуицию временности и сделав ее определяющей в обосновании историчности вот-бытия, М. Хайдеггер, скорее, принял сторону «субъекта», чем «объекта», сумев дать новый разворот теме субъективности. Трансцендентальные характеристики остались в неприкосновенности, и трансцендентальная озабоченность хайдеггеровской философии феноменом субъективности тому подтверждение. Никуда не исчезает и интенциональность, правда, теперь она соотнесена не со смысловым конституированием трансцендентального объекта, а со структурой понимания, движущей миром экзистирующего и трансцендирующего вот-бытия. Тем самым полюс интересубъективности только усиливается. В итоге М. Хайдеггер выстраивает свою модель трансцендентальной субъективности как герменевтическую с акцентом на пред-понимающей и пред-расположенной к миру природе человеческого бытия-с-другими.

Герменевтический мотив получил развитие у Г.-Г. Гадамера. Внешне критикуя трансценденталистскую установку в отношении субъекта, Г.Г. Гадамер продолжает хайдеггеровскую идею феноменологии человеческого существования как философской герменевтики. Сохранены стратегии историчности, практической вовлеченности субъекта в конкретную жизненную ситуацию, языковой оформленности и контекстуальности. Последнее оказалось особенно значимым для герменевтической программы Г.-Г. Гадамера, так как, в известном смысле, именно язык в этом проекте явился аналогом экзистенциального априори, тем самым обнаруживая себя в качестве трансцендентального условия понимания. Концептуальное обеспечение субъекта герменевтического опыта у Г.-Г. Гадамера носит характер трактовки сознания как исторически обусловленного и исторически действующего, продуцирующего, в итоге, традицию.

В то же время из уст заинтересованных в герменевтике авторов (в их числе прежде всего Ю. Хабермас) не раз звучали упреки в ограничивающей академичности гадамеровской герменевтичес-

кой установки, исходящей из подчеркнута тесной связи с классической герменевтикой, нацеленной на преимущественное истолкование традиционных «текстов». В этой логике феномен субъективности оказывается усечен со стороны недостаточной *интерсубъективной*, коммуникативной вовлеченности субъекта интерпретаций. Обсуждение системы его собственных предрассудков означало бы выстраивание конфигурации высказываний (речевых актов), носителями которых выступали бы сразу многие пользователи языка.

Не спасает дела, по мнению критиков, ни понятие «применение», поскольку последнее рассматривается Гадамером как преимущественно теоретическая процедура в структуре герменевтического акта и теоретически же преследуемая цель, ни сущностно понятый принцип игры, «бессубъектным» способом формирующий представление о трансцендентальной ипостаси игры – субъекта. Характерно, однако, что преодолеть изъян академизма и недостаточной радикальности герменевтики как возможной методологии социогуманитарного познания Ю. Хабермас, например, предлагает за счет усиления теоретической, рефлексивной составляющей герменевтической практики. Только так, полагает он, герменевтике удастся сохранить позиции актуальной философской дисциплины: через аналитику сферы субъекта на путях критической рефлексии идеологем, являющих застывшие языковые образования – аналог «стратегического» или «извращенного коммуникативного» поведения (Ю. Хабермас).

Думается, развиваемая в этом направлении теория субъективности в каждом конкретном случае обязательно обретает черты межличностной социолингвистической прагматики. В ней отчетливо прослеживаются два аспекта: «критический» и конструктивный.

В действительности речь может идти о создании социальной теории и социальной критики, ограничивающих влияние доминирующих идеологий, дезавуирующих языки власти и уменьшающих гнет «легитимных» интерпретаций, что, естественным образом, способствовало бы демократизации в области политики и наличных форм социальной коммуникации. Внутри последней теперь обозначены новые, более многочисленные дискурсивные языковые стратегии. Именно они, в результате, служат открытос-

ти в понимании природы современной социальности. Это тот тип открытости, что сознательно культивируем как со стороны индивида, так и со стороны либерально ориентированного социума. В конечном итоге это подлинная основа для будущей толерантной культуры миропонимания, которая окажется полезной для утверждения субъекта коммуникативного действия и в сфере экономики, и в сфере политики, и в сфере сосуществования многоликих социальных практик вообще. Полярные тенденции и былая асимметрия в области мировоззренческих стереотипов оказываются связанными средствами развитой рефлексии (схожей точки зрения придерживается, например, П. Бурдьё). Такую «проясняющую» функцию и берет на себя, в частности, социальная наука.

Логика деконструкции философской метафизики и наступление постметафизического мышления оказались весьма эффективными при обсуждении многих болезненных тем современности. Критическая теория в лице авторов, напрямую работающих с идеологическим каркасом либерально-прогрессивистской модели развития, составляет особую ценность. Здесь феномен субъективности предстает наиболее выпукло. Его трансцендентальная составляющая в актуальных исследовательских программах, преследующих наглядность социальных процессов в общественной и частной областях, в повседневной жизни, оказывается в фокусе не только современных лингвистической философии, логики и социологии, но и этики, эстетики, политологии, теории коммуникации. Объектом их интегрального интереса служит пространство совокупных мифологем и идеологем политической и социальной сфер и те структуры собственно жизненного мира, что транслируются по многочисленным каналам PR и mass-media кампаний, что циркулируют в снятом виде на уровне мнений, убеждений и предположения: сюда, на этаж «доксического» знания в жизненный мир индивида по ступеням «нисходящей энтелехии» проникают элементарные правовые, этические, эстетические, религиозные и любого иного рода предрассудки.

Конечно, лингвистическое априори, конституирующее трансцендентальную субъективность и интерсубъективность исходя из теории речевых актов, играет решающую роль в современной аналитике субъекта. Моделирование субъекта в связи с условием из-

начальной речевой компетентности задает универсальные параметры его обнаружения в разных языковых системах. В то же время у Л. Витгенштейна, Дж. Остина, К. Бюлера, Э. Бенвениста, Дж. Сёрла, Ю. Кристевой особенно подчеркивается иллокутивный характер высказывания, что сразу позволяет избежать возможной лингвистической обособленности анализа и выйти к теме речевого поведения как конвенционального в своей основе, то есть вписанного в более общий коммуникативный ландшафт. Субъекту приписываются прагматическая установка и максимально внятное дискурсивное намерение.

И здесь важно понять, что искомым историзм субъекта речевого поведения – антикантовский, антитрадиционалистский по отношению к ранней логике трансцендентализма – связан не только с возможной интенциональной, то есть собственно прагматической его ориентацией. Но, главным образом, со сменой системы базовых установок говорящих, которая, в конечном итоге, и приводит в действие речевое поведение. Коммуникативные конвенции не являются раз и навсегда данными. Принципы и правила, которыми сознательно или бессознательно руководствуются субъекты речи, могут и должны меняться. Это специфические договоренности, прояснением которых занята не одна теория языка, но где в игру вступают такие объясняющие дискурсы, как когнитивная философия, социальная теория, психология, психоанализ, социо- и психолингвистика. Именно в такой перспективе следует искать развитие идеи трансцендентализма применительно к теме субъекта.

Литература

1. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение: Историческое введение. М.: Логос, 2002. 680 с.
2. Шуман А. Трансцендентальная философия. Минск: Экономпресс, 2002. 416 с.